

Юрий Поляков:

Почему я вдруг затосковал по советской литературе

Сознаться сегодня в приличном обществе, что тоскуешь по советской эпохе, — примерно то же самое, как в году 25-м сознаться, что скучаешь по царизму. Расстрелять не расстреляют, но на будущее обязательно запомнят...

И все же.

Я не стану рассуждать о России, которую мы потеряли. Это тема необъятная, и об этом еще будут написаны тысячи томов стихов, прозы, публицистики, следственных дел. Я хочу немного поговорить о литературе, которую мы потеряли. О советской литературе. Согласен, само определение — «советская» — довольно нелепо. Почему в таком случае не «надеповская» или «совнаркомовская»? Но, с другой стороны, ведь не вычеркиваем мы из мировой истории коренных обитателей Американского континента лишь потому, что в результате навигаторской ошибки их назвали «индейцами»? Хотя, кто знает, может, это и было первопричиной их печальной судьбы?..

Мы все в неоплатном долгу перед советской литературой. Говорю это совершенно серьезно, отбрасывая в сторону столь милую лично мне и моему поколению «мировую иронию». Именно она, советская литература, волею-неволей восприняв художественную и нравственную традицию отечественной классики, смогла противостоять той «варваризации» общества, которая неизбежна в результате любой революции. А известные заслуги литературы перед революцией обеспечили ей даже некоторые послабления: Священное писание в атеистическом государстве было фактически запрещено, а «Воскресение» или «Двенадцать» включались в школьную программу. Да и вообще «преодоление большевизма» началось уже тогда, когда красноармеец Марюк завыла над бездыханным белогвардейцем Говорухой-Отроком, а профессор Преображенский взял да и вернул Шарикова в первобытное состояние. И если бы большевики, опамятавшись, не начертали «Россия, единая и неделимая» симпатическими чернилами на своем красном знамени, то вполне возможно, возвращение в лоно цивилизации происходило бы не сегодня по записочкам Бурбулиса, а полвека назад по задачам И. Ильина. Кстати, не этим ли «симпатическим» лозунгом и объясняется обилие красных флагов на митингах нынешней оппозиции, в своем большинстве совсем не мечтающей о возвращении в развитой тоталитаризм?

Да, 90% из написанного в советский период отечествен-

ной литературы сегодня читать невозможно. Точно так же, как невозможно сегодня читать 90% из всего, написанного за последние семь десятилетий во Франции или в США. Эти книги устарели вместе со своей идеологией, которая есть в любом обществе, независимо от того, есть ли идеологический отдел ЦК. Там тоже были свои комиссары в пыльных шлемах, свои павлики морозовы, свои пелинники и феранпонты головатые. Кстати, «Золотая фильмотека Голливуда», показываемая ныне по нашему ТВ, самое удивительное тому подтверждение! А социализм... Социализм был общепланетарным наваждением заканчивающегося века, а мы народ отвыкший, увлекательный. Знаете, как бывает: втянули ребята постарше простодушного паренка во что-нибудь, не сами-то вовремя опомнились, а паренек за всех и отдувался. И великая литература с ним тоже вместе отдувалась...

Всем еще памятно, какая у нас была цензура и как она охотно в отличие от своей революционной предшественницы владела шпиритомом! Тотальная была цензура: уйти от нее можно было, только эмигрировав, а преодолеть только художественно. И ведь преодолевали! Борясь за свободу слова, советская литература была вынуждена выдавать тексты с такой многократной степенью надежности, что цензура была бессильна. Знаменитый подтекст Хемингуэя — забава в сравнении с подтекстами советских писателей. Это была мощнейшая и сложнейшая криптоэстетическая система, понятная читающей публике, да и цензуре тоже. Однако произведения, где инакомыслие достигало градуса художественности, входили (не всегда, но чаще, чем ныне изображают) в правила той странной игры, которая завершилась падением постылого режима и распадом горячо любимой страны.

Советская литература была властительницей дум в самом строгом и упорном смысле этого слова! Это настолько о зидно, что даже не буду доказывать, а просто предлагаю припомнить общественный трепет, связанный с выходом новой повести Ю. Трифонова или романа В. Астафьева, книги стихов Владимира Соколова или постановкой пьесы А. Вампилова... Имена подобраны в духе личных пристрастий, но каждый может длить этот список по своему вкусу. А обязательный ответственный работник ЦК КПСС, сидящий на писательских собраниях и строчащий в свой служебный блокнот, — это и фискальный знак эпохи, но

это и знак уважения власти к литературе, к ее власти над умами...

Тут я, что называется, подставляю горло любому критику с большой дороги: мол, вот она, рабская натура, вот она, тоска по кнуту. Грешен, недовадил из себя раба, но иногда мне кажется, что человек, родившийся и сложившийся в тоталитарном обществе, может выдать из себя раба только вместе с совестью. Во всяком случае исторически и психологически мне понятнее А. Фадеев, визирующий присланные с беспощадной Лубянки списки приговоренных, чем седоусый «апрелевец», призывающий набившегося всенародно избранного «власть употребить».

Но пойдём дальше. Советская литература, особенно если брать ее последнюю золотую четверть века, была той редкостной сферой, где ощущалось почти все, декларированное, но не воплощенное в жизнь большевиками. (Не путать с коммунистами — они у нас у власти никогда не были). Но история ждать не любит, поэтому объяснения нынешних политиков, исповедующих коммунистические ценности, напоминают обвинения отвергнутого мужа не изменять и носить на руках. С одной стороны, очень хочется верить, а с другой, обидно второй раз оказаться в дураках. И так, в литературе мы имели жизнь, где в конечном счете побеждали или хотя бы, погибая, показывали свое нравственное превосходство люди честные, добрые, талантливые, бескорыстные... А что касается книжек про кулаков и вредителей, то это тоже наднациональная черта любой литературы — образ врага. Только мы самокритично нажимали на врага внутреннего, а те же американцы — на врага внешнего. Сегодня, когда идет обвальный перевод средней американской литературы, этот факт очевиден. Кстати, может быть, именно поэтому они остались сверхдержавой, в то время как мы спихнулись с дистанции.

А привитая у нас в стране любовь к художественному слову! Где это, интересно знать, не сотня-другая эстетов, а сотни тысяч обыкновенных людей читали бы интеллектуальную прозу А. Битова или разгадывали историко-литературные шарады миста В. Катаева? Или покупали из-под полы долгожданную первую книжку Олега Чухонцева? Не-ет, иногда мне кажется, что развитый социализм — это лучший строй для обеспечения читательского досуга. Если б он еще обилие обеспечивал — цены б ему не было! Однако серьезные ученые уверяют, что мировая ци-

вилизация будет развиваться в сторону ограничения потребительской разнузданности. Раз так — к опыту социализма, запечатленного, в частности, в советской литературе, человечество еще вернется.

А вспомним дни советской литературы! Писатели, подавленные местным гостеприимством, влекутся вдоль бесконечного конвейера того же КамАЗа и вяло слушают объяснения главного инженера. А вечером — многотысячный зал, и заводчане, как тогда выражались, слушают гостей-писателей, а наиболее любимых узнают и хлопают заранее. И если во время такого вечера Сергей Михалков в президиуме наклонится к первому секретарю горкома и попросит дать квартиру местному талантливому поэту — через месяц-два новоселье! Я не любил дней литературы: мне было стыдно похмельно шататься среди работающих людей, мне была смешна организованная местным агитпропом всенародная любовь к литературе. Но нынешнее забвение и равнодушие, оно не смешно, а страшно. Девочке, которая хочет «во-от такой миллион», неинтересен Том Сойер, если он не находится в конце клада.

В литературе же сегодня, как мне приходилось уже писать, «кафейный период» — был такой в гражданскую войну, когда все остановилось, и чтоб обнародовать свое новое творение, писатель заходил в литературное кафе, заказывал на последние морковный кофе и ждал кого-нибудь в слушатели. На заваленных всем, чем угодно, — от Сведенборга до «счастливой проститутки» — книжных прилавках современных российских писателей вы почти не найдете. Их издавать невыгодно — и поэтому у них «кафейный период». Заметьте, я говорю не об идее выдержанных бездарях, они-то как раз устроились и рьяно обслуживают теперь каждый свою крайность. Я говорю о талантливых писателях, которых читали, обсуждали, покупали... Они стали хуже писать? Нет, просто люди стали хуже читать. Привычка к серьезному чтению — такое же достояние нации, как высокая рождаемость или низкое число разводов. Добиться трудно — а утратить очень легко. Ведь добро должно быть не с кулаками, а с присосками, чтобы не соскользнуть по ледяному зеркалу зла в преисподнюю. Восстановление поголовья серьезной читательской публики — общенациональная задача на ближайшие десятилетия.

Но как же случилось, что отечественная литература оказалась в брошенках именно тогда, когда она, к счастью,

духовно обеспечила победу демократии и, к несчастью, победу демократов?! Ну подумайте сами: на площади людей против партократов вывело истинное чувство социальной справедливости, воспитанное, между прочим, этой самой советской литературой. Вроде как и поблагодарить надо. Ан, нет, какой-нибудь косноязычный партокрот, брошенный с коксохимии на культуру, заболел о писателях поболее, чем наши нынешние деятели, которые, как и Ленин, совершенно справедливо в графе «профессия» могут писать «литератор». Литераторы — и по результатам политической деятельности, и по вкладу в родную словесность: жанр мемуаров быстрого реагирования изобретен ими.

В чем же дело? Руки у них не доходят? Возможно... Но я подозреваю, дело в другом: литература — властительница дум может снова вывести людей на площадь, на этот раз с прямо противоположными целями. Допустить этого нельзя, но снова затевать цензуру — глупо. Во-первых, сами промем собой недодрались, а во-вторых, снова у писателей появится ореол мучеников — и, значит, влияние на умы. Все можно сделать гораздо проще. Горстью монет, ссыпанной в носок, можно прибить человека, а можно и литературу. Надо только знать, куда ударить...

Написал — и засомневался: стусил по российской литературной традиции краски. Потом подумал, еще раз поэтировался кругом и понял: ничего я не перебрал. Одни писатели (в количестве, даже не снившемся застою) работают, чтоб прокормиться, сторожами, грузчиками, лифтерами, но западные журналисты не заезжают, чтоб узнать, как идет работа над романом-бомбой. Другие ушли в политику, но там, сами понимаете, вовремя разбитые очки важнее вовремя написанной поэмы. Третьи стали международными коммивояжерами и мотаются по миру, чтоб с помощью родни и друзей пристроить свой лет двадцать назад написанный роман, про который и в России-то никто слыхом не слышивал. Четвертые ушли в глухую оппозицию, пишут в стол, но ящик стола уже не напоминает ящик Пандоры, а скорее свищевый могильник, да и за несуетную оппозицию теперь не дают госдачи в Переделкине, как прежде. Пятые... На похоронах пятого, моего ровесника, я был недавно.

А когда я думаю о советской литературе, у меня на глаза наворачиваются ностальгические слезы, как если б я зашел в мою родную школу.

20.07.93 г.
Поляков Юрий